

PONTICA CAUCASICA ETHNICA. II

Северо-западный Кавказ, в территориальных границах современных Краснодарского края, Республики Адыгея, Карачаево-Черкесской Республики, части Ставропольского края, начиная с античности и вплоть до установления владычества Российской империи, не раз представлял собой периферию Понтийской историко-культурной области. Это отразилось в мощных, периодически возобновляющихся прямых или опосредованных южных культурных влияниях, и проявилось в частности в том, что и на этой территории, при ближайшем рассмотрении, можно обнаружить культурную парадигму, так знакомую нам по Понту: “господствующий ислам - христианское меньшинство” (“ортодоксальные христиане греки — монофиситы армяне”), пронизывающую все стороны взаимоотношений сложившихся здесь культур.

Сейчас известно, что во время, непосредственно предшествующее появлению на северо-западном Кавказе русской армии и казачества, среди закубанских адыгов проживали представители двух иноэтничных групп: т.н. черкесские армяне (черкесогаи) и черкесские греки. Вот выдержки из типичного для того времени описания — книги, изданной в Германии в 1784 г.:

“V. Кубань ... Кроме ногаев и черкассов в стране живут... евреи, которых здесь очень много; армяне и греки, живущие здесь главным образом ради торговли, цыгане и пр. ...

1) Город Тамань... Жители большею частью ясы, остальные — армяне, греки, турки и т.д. ...

2) Темрук, маленький город на северо-востоке от Тамани; ... Жители его частью ясы, частью греки, евреи и армяне; они с давнего времени платили дань крымскому хану” (Тунманн 1990, 65-68).

Обе группы были адыгоговорящими. Адыгоязычные формы их самоназвания, соответственно “ермэл” и “урым” (в адыгейском служат так же терминами для обозначения армян и греков вообще), происходят от тюрко-турецких терминов, что опять-таки определенно указывает, либо на Крым, либо минуя Крым, непосредственно на Анатолию и Понт, в качестве возможных источников заимствования.

Благодаря целому ряду обстоятельств, и прежде всего, большей численности, черкесогаи оказались лучше описанными и изученными (см. Библиографию в: Армяне Северного Кавказа 1995). Черкесские греки же продолжают оставаться белым пятном в кавказоведческой литературе.

Вопрос о времени появления их среди закубанских адыгов до сих пор не решен. С усилением позиций России на северо-западном Кавказе, все большее и большее число черкесских греков стремится поселиться на занятой русскими войсками территории. В это время, несомненно, под влиянием новой, открывшейся для них письменной истории (поскольку сами черкесские греки, так же как и адыгейцы, были, естественно, бесписьменной культурой), в их среде распространяются романтические представления о своем прошлом. Например: “греки Урупского округа считают себя потомками аргонавтов” (Кубанские

областные ведомости 1867), или распространенное до сих пор мнение, о непосредственной преемственности их от ионийских греков причерноморских античных колоний и т.д.

Нечего и говорить, что подобные предположения — лишь красивые фантазии. Реально, греческая общность в Закубанье (как и армянская) могла сформироваться в результате ряда немногочисленных затухающих переселенческих волн из Крыма или Малой Азии, в период активного проникновения христианства на северо-западный Кавказ, т.е. где-то между X и XVI вв.

Первый выход из Закубанья черкесских греков, вместе с армянами и собственно адыгскими семьями, пожелавшими перейти в русское подданство, произошел уже в самом конце XVIII в. 19.XI.1798 г. поступило Высочайшее повеление на имя Новороссийского военного губернатора графа Коховского и последнего — войсковому атаману Котляревскому удовлетворить желание просителей, а 24.VI.1799 г. они основывают на Ангелинском ерике при куренном селении Новонижестеблиевском (современная ст. Гривенская Калининского района Краснодарского края) Гривенский Черкесский аул (Шамрай 1900, 82; ГАКК, ф. 252, оп. 1, дд. 1561, 1732; ф. 254, оп. 1, д. 568).

В 1818, 1824, 1840 гг. сюда направляется еще ряд переселенческих потоков (ГАКК, ф. 249, оп. 1, дд. 1841, 1644). Из одного документа, датированного 29.I.1836 г. (рапорт Заводовскому - исправителю дел Наказного Атамана Черноморского казачьего войска, ген.-майору от войсковой канцелярии), следует, что в ауле проживало мужчин “черкес Армян и Греков 246” (ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 23).

В дальнейшем, из-за земельных споров, русская администрация решила рассредоточить гривенских армян и греков по разным станицам (Новодмитриевской, Уманской, Стародеревянковской, Переясловской, Брюховецкой), но в конце концов, все же уступила их желанию поселиться вместе (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1841). В 1848 г. 26 семей армян (154 чел.) и 7 семей греков (38 чел.) переселяют в ст. Переясловскую (ныне в Брюховецком районе Краснодарского края), где из армян формируют Переясловский поселок, и в течение 1850-х гг. пополняют его за счет новых греческих и армянских семей из Закубанья (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1841).

Позже в 1860 г. большую часть армян и некоторых греков снова перемещают — в Прочноокопское армянское селение при ст. Прочноокопской на Кавказской линии, а оттуда — в Армавир (несколько семей черкесских греков здесь фиксируются источниками — ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 216). Оставшаяся небольшая часть армян и греков, в связи с ликвидацией Переясловского поселка, была приписана непосредственно к ст. Переясловской и продолжала жить поблизости от нее небольшими хуторами (Короленко 1902, 90, 92).

По именному списку в деле, датированном 1854-1867 гг., среди казаков ст. Переясловской значилось 8 семей греков (40 чел.), 27 семей армян (124 чел.), а также 10 чел. крепостных армянской знати, этническая идентичность которых по источнику невосстановима, но скорее всего адыгейцев (ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 1732). Эти армяне и греки продолжают упоминаться в источниках в течение всех 60-х гг. XIX в., а потом их следы исчезают. Очевидно, после принятия в войсковое сословие, полностью ассимилировавшись, они растворились среди казачьего

населения ст. Гривенской и Переясловской. До сих еще некоторые коренные казачьи семьи этих станиц помнят о своем аборигенном происхождении и выделяются среди других своим антропологическим видом.

Мы знаем как менялась общая численность населения Гривенского Черкесского аула за этот период (Шамрай 1900, 82):

Год	число мужчин	число женщин	общая численность
1807	366		
1809	359	292	651
1813	344	301	645
1825	137	121	258
1830	163	119	282
1834	177	118	295
1838	240	170	410
1842	449	320	769
1850	400	132	532
1852	206	170	376
1860	109	78	187

В последующий период остальные группы черкессогаев также ушли из адыгских аулов, и как известно постепенно под покровительством генерал-лейтенанта Засса собрались в Армянском ауле — с. Армавир (отдельные семьи — в Новороссийске, Екатеринодаре, Пятигорске и др.). Что же касается черкесских греков, то в 1866 г. следующие две значительные группы, одна в количестве 86 чел. из а. Эдепсукай I Псекупского округа Кубанской области (Эфипсукай, как в источнике, из этого же аула выселялись и черкессогаи), а другая — более 100 чел. из Урупского округа, образовали отдельный греческий поселок на территории последнего, в месте бывшего а. Хаджихабль, около ст. Григорополисской, которая находится ныне в Новоалександровском районе Ставропольского края (ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 126). О дальнейшей судьбе этого населения у нас также нет данных.

Примерно в это же время в двух упомянутых округах греки составляли (Сборник сведений о Кавказе 1871, 7):

округа	число мужчин	число женщин	общая численность
Псекупский	25	28	53
Урупский	51	34	85
Всего	76	62	138

Очевидно, что черкесские греки представляли собой и в этот период, и до своего выхода из адыгейских аулов, гораздо более малочисленную группу, чем черкесские армяне: согласно докладной записке русского военного командующего, в I пол. XIX в., в горах не было почти ни одного селения, где бы не проживали армянские семьи (АКАК 1875, т. 6, 451; Погосян 1981); после переселения в Армавир их численность достигала 3, 5 тыс. чел. (Аракелян 1984, 91; Тер-Саркисянц 1995, 8). Соответственно, общая численность черкесских греков, как видно из вышеприведенных источников, могла быть всего лишь 200-250 чел.

Наконец в 1871 г. в Лабинском округе Кубанской области был основан а. Бжедугхабль, в котором поселились черкесские греки, армяне и адыгейцы (Основные административно-территориальные 1986, 243). Аул сохранился до наших дней (ныне Красногвардейский район Республики Адыгея), и на сегодняшнее время представляет собой единственное место компактного проживания черкесских греков.

Современные греки Бжедугхабля не помнят обстоятельств своего появления в ауле и не знают ничего о других родственниках им группах. Определенный свет на проблему их генетических связей проливает сравнительный анализ черкесогреческой антропонимии (фамилии черкесских греков ст. Переясловской, п. Хаджихабль взяты из старых семейных списков — ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 126; ф. 252, оп. 1, д. 1732):

ст. Переясловская	п. Хаджихабль	а. Бжедугхабль
Серафимовы, Демитровы, Дофтсиковы, Поповы, Кокис	Серафимовы, Демитровы, Дефтеровы, Аслановы,	Костановы, Хазаровы, Серафимовы, Демтировы, Дефтеровы, Аслановы,

Большее количество общих фамилий у греков а. Бжедугхабль и п. Хаджихабль, так же как и их географическая близость, может свидетельствовать в пользу генетического родства обеих групп. Безусловно, также нужно иметь в виду, что эти фамилии в большинстве представляют собой вторичные русифицированные образования. Интересно и то, что если сравнивать черкесогреческую антропонимию с черкесоармянской, то бросается в глаза, что фамилии с явно адыгейской этимологией очень часты у армян (Багъарсэкъу, Тальостэн и др.) и практически отсутствуют у греков.

6.XI.1995 г. мы побывали у греков а. Бжедугхабль, удалось собрать довольно фрагментарные данные, которые однако дают некоторое представление о типе культуры этой очень своеобразной группы.

В настоящее время в ауле живут в основном русские, которые появились здесь позднее. Кроме того раньше рядом с аулом располагался х. Черногоркин (по фамилии землевладельца). Сейчас он слился с аулом. Это, в первую очередь, и способствовало относительному увеличению численности русского населения.

Вторым по численности компонентом населения являются черкесские греки. Раньше, в 20-30-е гг., по сведениям информантов, они преобладали. В а. Бжедугхабль имеются следующие их фамилии: Аслановы (3 семьи, 9 чел.), Демтировы (3 семьи, 11 чел.), Дефтеровы (2 семьи, 8 чел.), Костановы (8 семей, 36 чел.), Хазаровы (2 семьи, 6 чел.). Общая численность всех перечисленных семей - 70 чел., причем большинство из них (59 чел.) как минимум греки-полукровки (об этнически смешанных семьях дальше). Представители шестой фамилии — Серафимовых — в настоящее время переселились в Майкоп и в ауле больше не проживают. Кроме того одна семья Аслановых переселилась в Белореченск (3 чел.), и еще один человек — в Краснодар. Один человек из Демтировых переехал в Волгоград, есть одна семья с такой фамилией в Краснодаре.

Поселившиеся еще в дореволюционное время в с. Мерчанское (Крымский район), и в настоящее время полностью эллинизированные Демтировы, по-видимому, также являются родственниками бжедугхабльских Демтировых. В п. Кабардинка живут потомки переселенцев из с. Мерчанского: грекоговорящая Христина Демтирова, фамилия которой досталась ей от мужа (“черкеса”), а также Иван Демтиров, рассматривающий себя уже “самсунцем” (одна из субэтнических групп понтийских греков, представители которой проживают в Мерчанском).

Таким образом, на текущий момент общая численность черкесских греков составляет менее 100 чел.

Со времени основания а. Бжедугхабль, в нем или по соседству с ним, также проживали черкесские армяне: Бароковы, Богарсуковы, Ханжиевы, Хачадуровы. Позже к ним присоединились фамилии Аспадурьян и Каладжан, которые были армяноговорящими. В отношении еще одной армянской фамилии — Кирковых — нет достаточной ясности: являлись ли они черкесогаями, или представителями более поздних армяноговорящих переселенцев? В настоящее время в ауле осталась только одна фамилия черкесских армян, и то смешанная — Хачадуровы. Ханжиевы в последнее время переселились в Майкоп.

Остались также следующие фамилии адыгейцев: Берзеговы (1 семья), Ванавнуковы (5 семей), Мамхыгов (родом из а. Адамий, бывший учитель), Чисабиев (родом из а. Габукай, бывший учитель).

В последнее время в связи с армяно-азербайджанским конфликтом в а. Бжедугхабль, а также в окрестные села (Белое, Преображенское) переселилось несколько семей курдов из Армении.

Переселившись в Бжедугхабль греки и армяне, видимо, продолжали говорить на темиргоевском (кIэмгуй) диалекте адыгейского языка. Напротив, черкесогаи, образовавшие Армавир, в дальнейшем выработали свой особый этнолект, на основе диалектов тех западноадыгских племен, среди которых они проживали в прошлом (Набокова 1964).

Долгое время бжедугхабльские греки не были двуязычны: адыгейский язык служил для них единственным коммуникативным средством и естественной основой метаязыка культуры. Основные фольклорные жанры были адыгейскими. В греческой среде циркулировали те же тексты (или их очень близкие варианты), что и у окружающего адыгейского населения. Среди черкесогаев даже были известны сказители, например Ермель Тарас, от которых записано несколько версий нартского эпоса. В этом смысле можно говорить о фольклорной традиции бжедугхабльских греков (и черкесогаев), как о части общеадыгской фольклорной традиции.

Как и остальные горцы, большинство армян и греков аула занималось сельским хозяйством. Однако “этнической” профессией для них была торговля. В досоветский период греки Дефтеровы имели магазин в соседнем русском селе Вечное (ныне с. Великовечное Белореченского района Краснодарского края). Магазин в самом ауле принадлежал армянам — братьям Богосу и Бедросу Киркоровым. Выбранная ими экономическая ниша, видимо, может рассматриваться в качестве одного из факторов, способствующих изоляции обеих групп, поскольку в системе ценностей “аристократического”, традиционно наезднического общества адыгов, сложилось крайне отрицательное отношение.

Вопрос о статусе греков и армян внутри адыгского общества довольно сложен и не может считаться окончательно разрешенным. Нынешние греки аула ничего не помнят о своей сословной принадлежности.

В целом ряде случаев высшая адыгская знать (князья пши) традиционно рассматривала представителей социальной верхушки подвластных им народов в качестве своих вассалов. Так, например, ахлы — князья у абазин, над которыми адыги также установили свое покровительство, по представлениям последних, приравнивались к адыгскому сословию тлекотлешей. В этой иерархии черкесские греки и армяне формально могли быть то дворянами, но более низкого, чем уорки ранга (у Щербины — уздени I-й степени: Щербина 1916, 4), то тфокотлями (свободными крестьянами).

В упомянутом именном списке ст. Переясловской фигурируют две знатные греческие фамилии: Демитровы (3 семьи) и Дофтсиковы (1 семья). Причем подчеркивается, что они “по закубанскому обычаю почитаются за дворян, но документов не имеется кроме настоящего чина” (ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 1732, л. 16-17). Численно эти фамилии превосходят остальных греков “из простых” (две семьи Серафимовых и одна — Кокис). Крепостными у переясловских греков были адыги. Среди черкесогаев “дворянские” фамилии встречаются еще чаще. В той же ст. Переясловской на 9 “простых” семей приходится 18 “дворянских”. Мы знаем, что из вольноотпущенников (бывших крепостных) черкесогаев Армавира образовался целый адыгейский аул (а. Урупский Успенского района, Краснодарский край).

В дальнейшем переясловские армянские и греческие “дворяне” были признаны русской администрацией и составили казачью старшину (есаул, сотник, хорунжий, урядники) соответствующих станиц. В а. Бжедугхаль ситуация могла сложиться по-другому, здесь аборигенная система сословий так и осталась без внимания русских властей. Возможно, что в течение последующего периода, в контексте уже новой социокультурной реальности, сословное положение местных греков так и не определилось. Но может быть и то, что данная группа греков не знала своих “дворянских” семей. В отличие от адыгейцев греки и армяне Бжедугхаля никогда не строили специальных кунацких (хьакIэщ). Это — очень примечательный факт. Есть адыгейская пословица: “У кого кунацкой нет, того за дворянина не считают” (Адыгейские пословицы и поговорки 1899, 4).

Как известно, греки и армяне — это типичный пример “демократических” народов в понтийско-кавказском регионе. Начиная, по крайней мере, с коренного изменения исторических условий в XV в., а в большинстве групп армян еще раньше, у них перестают проследиваться потомки царских и княжеских родов, исчезают зависимые сословия, и по отношению к господствующему мусульманскому слою, они становятся частью одного большого податного сословия — райятов (в случае с армянами есть несколько исключений). Очевидно, что на этом фоне социальная организация черкесских греков и армян представляет собой резкий контраст.

Очень трудно предположить, хотя и этого нельзя исключить полностью, что на северо-западном Кавказе, в силу его периферийности, в обеих группах сохранились какие-то реликтовые формы социальной жизни. Скорее всего они

переняли нормы своей организации, ее код, у соседей адыгов, если только не связаны с ними еще более тесной генетической связью (об этом, см. дальше).

По крайней мере, часть “дворянских” семей среди закубанских греков и черкесогаев могла сформироваться в результате отношений аталычества между ними и адыгскими пшиуорками (Волкова 1966, 263).

Горская феодальная знать отдавала своих детей на воспитание в семьи купцов — армян и греков. Благодаря установившимся таким образом аталыческим связям воспитатели получали особые права, в том числе большие привилегии в торговле. Возможно, это объясняет и тот факт, что среди “дворян” у черкесогаев встречаются фамилии настоящей знати адыгов, например: Богарсуковы, Каплановы, Тамбиевы. Многие очевидцы и ранние исследователи адыгов говорят об обычае подобной передачи фамилии, ср. например, у Новицкого: “подвластные князей и дворян носят обыкновенно имя господина своего, которое сохраняют даже при переселении” (Новицкий 1829, цит. по: Волкова 1966, 262).

На первых порах, греки и армяне Бжедугхабля внешне, по своим культурным признакам, сильно не отличались от окружающего адыгейского населения.

Видимо, первоначально дома (сакли - унэшхо) у черкесских греков были общеадыгского типа (турлучные, с соломенной крышей и др.). При переселении в аул начали закладной техникой строить рубленые деревянные дома (эта же новация, правда редко, прослеживается и в ряде адыгских аулов). Поначалу только две семьи в ауле имели более престижные кирпичные дома по типу русских.

Дома строились одно- и двухкамерными. В дальнем углу устраивался очаг с “черкесской трубой” из плетня, обмазанного глиной. Позже в первой комнате, на западной стороне, стали устраивать красный угол по образцу русских, где находилась икона и лампадки. В доме выделялась мужская и женская половины. Эта традиция исчезла к 1920-м гг.

Кухня строилась отдельно от жилого помещения. Пищу готовили в медном котле на треножнике (как известно, такие треножники были очень распространены в быту северокавказских горцев). В дальнейшем хлеб стали выпекать отдельно, в русской печи.

По одежде нельзя было отличить греков от адыгейцев. Правда очень быстро стала различаться ритуальная одежда: саван покойника, свадебный костюм невесты, которые у греков делались на русский (европейский) манер, в то время как адыги продолжали использовать их традиционные формы.

Система питания была также адыгской. Греки соблюдали и все пищевые запреты, которые к тому времени, с принятием ислама, получили распространение среди западноадыгских племен. Свинья считалась нечистым животным, поэтому ее мясо совсем не употреблялось в пищу. По словам Н.И. Демтировой, ее дед имел обыкновение колоть вилами любую свинью, случайно забредшую в их огород. Гораздо меньше, чем сейчас употребляли спиртные напитки, в том числе во время свадебных застолий.

Бжедугхабльские греки соблюдали все основные правила адыгского этикета. Как известно, адыгейцы, как и другие северокавказские горцы, и в отличие от русских, греков, армян, обладали собственной сложной системой этикетных правил — адыгэ хабзэ, например: когда в дом приходили гости, всем полагалось встать;

или же, запрещено было переходить кому-либо дорогу, особенно мужчине; нельзя было мужу и жене вместе появляться на улице и т.д.

По свидетельству наиболее старых информантов, первоначально, как и адыгейцы, греки практиковали брак через умыкание. Отец все той же Н.И. Демтировой украл ее мать и женился на ней. Ему тогда (1904 г.) было лет двадцать, ей - 16 лет. В 1920-е гг. эта традиция полностью исчезает и последующие поколения о ней уже ничего не знают и относятся резко отрицательно.

Своими структурными особенностями свадьба черкесских греков повторяла адыгский тип “свадьбы со скрыванием”, используя термин М. Сигорского (Сигорский 1930): свадебное торжество и основные обряды проходят только в доме жениха, а не невесты; родители невесты не приходят в дом жениха; жених не присутствует во время свадьбы в собственном доме, а уходит к своим родственникам; невеста находится во время свадьбы в доме жениха (в спальне), но скрыта ото всех на весь период ритуала, и далее еще в течение двух недель; затем невесту на короткий период забирают обратно в родительский дом; приданное перевозят после свадьбы и связывают это с примирением сторон после умыкания; через год молодые возвращаются в дом невесты; избегание молодой свекра и других родственников мужа длится всю жизнь.

Первое время в обрядах свадебного цикла (собственно свадьбе) бжедугхабльских греков еще ощутимы были многие чисто адыгские ритуально-игровые элементы: конноспортивные состязания во время перевоза невесты в дом жениха, борьба за сафьяновую кожу с участием верховых (шъозехъ), бой всадников дубинами при приближении к дому жениха (къорэгъзау). Очень скоро в структуру греческой свадебной обрядности вошли новации, связанные с распространением влияния христианской церкви: в ритуал перевоза невесты было включено венчание в церкви (къорэгъзау начинался непременно после возвращения из церкви), сама свадьба теперь привязывалась к календарному циклу христианских праздников (после свадьбы молодую стали забирать в отцовский дом за неделю до начала Масленицы).

В обрядах похоронно-поминального цикла гораздо труднее выделить исконный слой и новации. Очевидно, эта область культуры наиболее тесно сопряжена с чисто идеологическими ценностями и, как никакая другая, зависит от конфессиональных условий. Уже в бытность Н.И. Демтировой, греки аула хоронили своих умерших в гробу, на могилу ставили крест, в то время, как адыгейцы пользовались только саваном, а во всем другом поступали в соответствии с предписаниями ислама. Кроме того, у греков не было никаких ограничений на посещение кладбища женщинами.

Эти традиции не могли быть очень давними, поскольку с падением Византии и уходом генуэзцев (XV в.) — последних по времени христиан на северо-западном Кавказе, христианство здесь сильно уступило свои позиции. Накануне установления контроля русских, в Адыгее уже не было христианских кладбищ, культовых объектов, население находилось вне влияния церкви.

Поминали покойного на девятый день (мафибх “9 дней” < мафэ “день” и бгъу “девять”), сороковой день (мафатфочитф “дней сорок” < тЮкИтЮ “сорок”) и на годовщину. Близкие обязательно носили траурную одежду черного цвета. Кроме этого, в знак траура, в течение 40 дней мужчины не брились. Но тоже самое, по

сведениям информантов, было характерно и для поминальных традиций соседних адыгейцев. Интересно, что в других районах Адыгеи, первые поминки устраивали не на девятый, а на седьмой день (мафибл “7 дней” < мафэ “день” и блы “семь”).

Итак, после описания, даже такого поверхностного, перед нами предстает очень своеобразная этническая общность: с осознанием собственной идентичности и с полнейшим отсутствием этнически маркированных элементов культуры, включая язык. Очевидно, тоже самое можно сказать и в отношении черкесских армян, на раннем этапе их существования (позднее в Армавире, как мы видели, у них все-таки возникает нечто специфическое, по крайней мере, в языке). Один из первых очевидцев, посетивших эту группу, И. Хозров отмечал: “Тамошние армяне ничем не отличаются от черкесов — тот же язык, обычаи, нравы, кушанья, домашняя утварь и одежда. Армянского языка не знают, и те имеют небольшое понятие о вере, которые находятся в частых сношениях с армянами, живущими в Черномории” (Хозров 1847, 258).

Хотя такой тип культуры и выглядит для обыденного сознания чем-то непривычным, все же он представляет собой довольно распространенное явление в понтийско-кавказском регионе. Внутри чуть ли не каждой большой этнокультурной общности есть похожие в структурном отношении группы: бацбийцы и грузинские еврби в составе грузин; зоки, удины, таты-христиане в составе армян; народы “шахдагской группы”, таты-мусульмане, айрумы у азербайджанцев и т. д.

Обычно подразумевается, что возникновение их и им подобных является результатом далеко зашедшего процесса ассимиляции первоначально “полноценного” этнического материала. Но вот пример, с которым мы столкнулись во время экспедиции в Азербайджан и Дагестан — т. н. горские евреи. В течение последней сотни лет они живут отдельными группами среди различных народов: удин (с. Варташен, ныне Огуз в северо-западной части Азербайджана), азербайджанцев (г. Куба в северо-восточной части Азербайджана), даргинцев (с. Маджалис в Дагестане) и др.

В каждом случае горские евреи, как и черкесские греки, в культурном отношении почти невыделяемы из среды, которую составляют соседи:

ф О   А П   Б П ° °
 Б П   А П   А О

□O□□□Π□□□□

□□□□□□□□□□□□□□□□□□

□БП□□□□□О□□□□□□□□

показать пережитки христианства у адыгов, находим: “... праздновали *кутши* — пасху, и в этот день яйца составляли непременную принадлежность стола, точно также как небольшой пшеничный круглый хлеб, с изображением трех голов” (Дубровин 1927, 40).

Остается неясным, в какие формы облекались взаимные противопоставления черкесских греков и армян друг другу, а также окружающим адыгейским племенам, в периоды, когда конфессиональные грани между ними начинали стираться. Видимо, в таких ситуациях первостепенную роль играла историческая память. Обе группы заняли определенную ячейку (сословную, экономическую, племенную) в очень иерархизированной структуре адыгского общества, и это было препятствием для их полного размывания.

Все снова поменялось с нарушением баланса внешних сил. Россия вышла к Кавказу. Это повлекло за собой реакцию со стороны местных горцев, проявившуюся в том числе и в растущем интересе к исламу. Конфессионально окрашенное общество адыгов приобрело более жесткую структуру и вытолкнуло из своей среды, маргинальные, по существу, группы греков и армян, которые с этой поры становятся гяурами (например, так назывался известный армянский аул среди темиргоевцев — Джаурхьабл).

По словам Н.И. Демтировой, еще ее дед, видимо, один из первопоселенцев аула, по своим взглядам и привычкам, был ближе к мусульманам-адыгейцам, но уже отец стал “настоящим православным”. На деньги богатого черкесского армянина Барокова построили большую церковь. Несмотря на то, что в ауле преобладали не армяне, а греки — церковь была армяно-григорианской.

Вообще надо сказать, что как и в Понте, армяне Закубанья раньше и активнее включились в процесс восстановления христианства внутри своих общин. Еще в самом начале XIX в. известный армяно-католический ученый и просветитель Минас Бжшкян, посетивший одну группу черкесогоев, живших около Анапы, встретил у них армянских священников (Бжшкян 1819). В 1817 г. с миссионерской целью в Черкессию прибыл архимандрит Карапет Арцивян, который с 1832 г. обосновался в Екатеринодаре, а после сосредоточения черкесогоев в Армавири, в 1840 г. переехал туда (Матенадаран, рук. № 4597; Погосян 1981, 27).

Первое время священник бжедугхабльской церкви приезжал из Армавира, затем в ауле появился свой местный священник (армянин — отец информанта Веры Ханжиевой). Прихожанами аульской церкви были и армяне и греки. Христианская идеология быстро затронула различные области их культуры. Все черкесские греки стали крестить своих детей, стараясь делать это, когда ребенку еще не исполнилось одного года. Обязательным элементом свадебного ритуала стало венчание в церкви. Умершего теперь отпевали, а на похороны приглашали священника. О других результатах влияния церкви говорилось выше.

Под воздействием миссионерской пропаганды греки и армяне Бжедугхабля стали осознавать свои конфессиональные различия. Несмотря на то, что во время свадьбы греки венчались обычно в местной армянской церкви, они старались крестить и отпевать покойников по православному канону. Для этого приглашали русского священника из ближайшей православной церкви (вначале из экономии Богарсукова, затем из с. Вечное). Как и в других местах совместного проживания, в отличие от православных греков, армяне начали ставить на могиле крест в голове,

а не в ногах у погребенного. Напротив, греческие информанты подчеркивают, что их предки, в отличие от армян, большее внимание уделяли празднованию Рождества Христова.

Вместе с тем, поскольку процесс христианизации обеих групп, в значительной степени, зависел от случайных обстоятельств, это размежевание шло очень непоследовательно. Так, и греки и армяне стали держать в домах русские иконы, несмотря на то, что их почитание не характерно для армянской церкви. Очевидно, под влиянием православия бжедугхабльские армяне начали устраивать поминки не на седьмой день, а на девятый (у армавирских черкесогаев поминальный день приходился на седьмой день, так же как и у остальных групп армян: Аракелян 1984, 108-109; Тер-Саркисянц 1995, 10). Не исключено, что определенным отклонением от православных традиций в сторону монофиситства, было то, что черкесские греки очень долго продолжали совершать на Пасху жертвоприношение, даже в присутствии православного священника, хотя это могло объясняться и другими причинами, например, влиянием ислама через адыгов.

В период советизации церковь в ауле была закрыта, священник переехал в ст. Белореченскую. Прервались все связи с армавирской церковной общиной. Однако, и в новых, значительно осложнившихся, идеологических условиях, бжедугхабльские греки и армяне продолжали крестить детей, венчаться, отпевать покойников. Учитывая расстояние, самой доступной для обеих групп стала русская церковь в с. Вечное. Это привело к сглаживанию конфессиональных различий между православием и армянским исповеданием, и еще более усилило взаимопроникновение традиций.

В условиях Российской империи (отношения к православию, как к государственной идеологии, и организационного подчинения всех православных церквей Русской церкви) христианизация черкесских греков не могла означать их этнического обособления. Таким фактором, но уже в контексте советской национальной политики 1920-х гг., стало языковое строительство.

С момента основания в ауле никогда не было адыгейской школы. Советское руководство попыталось организовать преподавание греческого языка. Для этого была открыта школа (русская до 3 класса, с преподаванием национального языка в последующих классах) и прислан преподаватель — Константин Петрактистис. Этот человек сыграл определенную роль в эллинизации бжедугхабльских греков. Он не только преподавал греческий язык, но и обучал греческим песням и танцам, выступал в роли крестного отца, присутствовал на свадьбах в качестве распорядителя (тамады) и т.д. Позже греческий язык преподавала, также Мура Костанова, приехавшая из с. Мерчанского, где к тому времени черкесские греки были уже полностью эллинизированы.

Школа с преподаванием греческого языка в а. Бжедугхабль была закрыта во время сталинских репрессий 1937 г., а К. Петрактистис подвергся выселению. Это обстоятельство, а также резкое увеличение доли русского населения в послевоенный период, открыло возможности для дальнейшей русификации черкесских греков, начавшейся с их христианизацией еще в досоветский период.

Сегодня бжедугхабльские греки практически все русскоязычны. Адыгейский язык из них знают лишь два человека: Александр Костанов, 1924 г. рожд., брат покойного писателя Дмитрия Костанова, и Нина Ильинична

Демтирова, 1906 г. рожд. — старейший житель аула. В с. Мерчанское сравнительно недавно умерла Нюня Демтирова — еще одна черкесская гречанка, говорящая по-адыгейски. Единицы, переселившиеся в Майкоп, и впоследствии составившие смешанные семьи, полностью растворились среди адыгейцев. Греческий язык из нынешних бжедугхабльских греков не знает никто (мерчанские Демтировы, как уже отмечалось, наоборот грекоязычны, точнее двуязычны, владея также русским).

О степени интегрированности русского языка в мышление и культуру бжедугхабльских греков свидетельствует следующий пример: даже старейший информант Н.И. Демтирова путает понятия “креститься” (в смысле “делать крестное знамение”) и “праздник Крещения Господня”, употребляя для их обозначения один и тот же адыгейский термин *дыуьэн* (< дыуьэ “молитва”, “заклинание”, из араб. через тур. *dua* “молитва”; ср. абхаз. *а-даухьа* “молитва”, “заклинание”; (Шагиров 1977, т. 1, 152); осет. *дуа* “молитва”; абаз. *дуа* “молитва”, “амулет” (Шагиров 1977, т. 1, 157). Как отмечал в свое время Б.А. Успенский: “одним из определяющих признаков русского религиозного сознания представляется то обстоятельство, что слово “креститься” естественно связывается в языке со словом “крест” (Успенский 1968, 43). Для сравнения, например, в греческом такая связь отсутствует: *σταυρος* “крест” и *βαπτισμα* “крещение” и т.д.

Восприняв русский язык, культура бжедугхабльских греков, оказалась связанной с более мощной русской, и очень быстро стала ее частью. На смену адыгейским традициям пришли традиции окружающего русского населения. В настоящее время свадьба, похороны, поминки греков аула те же, что и у местных русских. Еще совсем недавно, на старый Новый год, точно также как и русские, греческие девушки гадали, спрашивая друг у друга: “Как моего жениха звать?...”, ходили по домам и колядовали со словами: “Сею вею, посеваю ...” и т.д. и т.п. Единственное, что, до сих пор, хоть как-то внешне выделяет их из общей среды — это приверженность старшего поколения к некоторым адыгейским блюдам и нормам этикета.

Подобную участь испытали и черкесогаи, как бжедугхабльские, так и армавирские, которые несмотря на свою большую численность, в значительной мере, также растворились в русской культуре.

Что касается этнической идентичности современных черкесских греков, то после нескольких послевоенных десятилетий доминирования сознания собственной приобщенности к общерусской культурной общности (при паспортизации большинство представителей этой группы было записано “русскими”), в 90-е гг. как будто, наметился определенный этнический ренессанс. Дети наших информантов, в сущности, полукровки, лишённые всех этнических признаков, заявляли о своем желании восстановить греческую “национальность” в паспорте, выучить греческий язык и др.

Черкесские греки были и остаются бесписьменной культурой (о типологических различиях между письменными и бесписьменными культурами, см.: Лотман 1987, 3-11). Все из них грамотны на русском языке, и некоторые — на адыгейском (из их среды вышел адыгоязычный писатель Дмитрий Костанов). Однако, совершенно очевидно, что собственной письменной традиции у них попросту никогда не существовало. В этой связи особый интерес представляет то, в

какой степени, разные социальные слои или субкультуры (например, мужская и женская) ответственны за трансляцию традиций, нормальное функционирование памяти культуры.

При изучении горских евреев мы видели, что у них наблюдается четкое противопоставление мужской и женской субкультур. Причем мужская субкультура выступает как официальная иудаистическая, а женская как — неофициальная деидеологизированная. В отличие от европейских евреев, здесь женщинам вообще было запрещено входить в синагогу, учиться книжности и участвовать в делах культа. Это привело к тому, что проводниками конфессионального ренессанса, который у горских евреев также начался с приходом русских, были исключительно мужчины. Нам встречались женщины, которым по разным причинам не удалось создать семьи, и все они находились в абсолютном неведении относительно общих иудаистических традиций. Например, одна горская еврейка пыталась объяснить, что пост 9 ава был установлен после того, как женщина по имени Марьям родила 9 сыновей, один из которых явился богом, и этот бог был убит (sic !).

В отношении черкесских греков и в этом случае можно провести определенную аналогию. К сожалению, кроме упомянутого именного списка греков ст. Переясловской (ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 1732), мы не располагаем другими надежными источниками, позволяющими увидеть насколько разнятся, по степени восприимчивости новой православной идеологии, мужская и женская субкультуры. Данный документ все же фиксирует различия в способах номинации представителей разных поло-возрастных групп:

главы семей 20-50 лет	их братья 7-25 лет	их сыновья 1-24 лет	их матери 51-75 лет	их сестры 11-18 лет	их жены 17-33 лет	их дочери 1-18 лет
Демитров Пот (церк. Фотий)		Иван, Степан	Чиана		Наго	Феодосия, Шафиш
Демитров Павло		Николай, Алексей, Иосиф			Марья	Екатерина
Демитров Назарий					Кошефиж	
Попов Каспар						
Серафимов Семен	Степан					
Серафимов Товдир (Теодор)	Анастас	Димитрий			Ханиш	
Кокис Назар	Афанасий			Амид, Екатерина	Кош	
Серафимов Семен		Иван, Мелкон, Андрей, Иван			Букаш (жена сына Ивана), Екатерина	

Все мужчины переясловских греков, независимо от возраста, уже имеют христианские имена. Напротив, подавляющее большинство женщин (в списке приводится 15 имен) названо по-адыгейски, и только треть из них, в основном девочки и женщины молодого возраста — носит христианские имена. Это не может быть простой случайностью, поскольку источник отражает данные 50-60-х гг. XIX в., т.е. времени, когда черкесские греки находились в тесном контакте с русскими уже более полувека и, разумеется, должны были быть крещены поголовно. По-видимому, черкесские греки так же, как горские евреи, были ориентированы на приоритетную роль мужской субкультуры. Именно мужчины, а не женщины, являлись проводниками новых тенденций и составляли костяк всей общности.

Между прочим, такая “мужская” ориентация, возможно, позволяла им решить одну из главных проблем выживаемости — соблюсти нужную степень экзогамности браков при фактически недостаточном количестве потенциальных брачных партнеров. Следуя обычной, для христианских культур понтийско-кавказского региона, идеологии и стратегии заключения браков, черкесские греки сейчас настаивают на невозможности кросскузената, брачных союзов родственников и просто однофамильцев. В ауле нам рассказывали о резко негативной оценке, со стороны населения, одного имевшего место реального случая нарушения брачного табу.

С другой стороны, уже во время своей жизни в Бжедугхабле, черкесские греки нередко образовывали смешанные с черкесогаями и адыгами семьи. Не исключено, что в предконтактный период такие браки были не отклонением от правила, а скорее правилом. Тогда за адыгейскими именами жен переясловских греков, могли скрываться не просто некрещеные гречанки, а настоящие “этнические” черкесские женщины.

Без этого допущения невозможно представить себе, как такая малочисленная общность, не пополняя постоянно своих рядов извне, смогла просуществовать в течении нескольких столетий своей истории. Интересно то, что и сегодня, на ее новом витке, семьи бжедугхабльских греков, в основном, этнически смешанные. Выходит, что и это обстоятельство не добавило ничего нового к привычным условиям существования такой странной, аморфной и вместе с тем чрезвычайно устойчивой культуры. Создается впечатление, что несмотря на высочайшую степень ассимиляции, эта общность еще не исчерпала всех возможностей саморазвития и мало изменилась в структурно-типологическом отношении за последние двести лет.